

**БИБЛИОТЕКА
КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Михаил
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*История
одного города*

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
С16

Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович.
С16 История одного города / Михаил Салтыков-Щедрин. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Библиотека классической литературы).

ISBN 978-5-04-177949-8

Роман Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина «История одного города» критики называли «исторической сатирой». События, происходившие в вымышленном городе Глупове, описаны в виде пародийной летописи, которую якобы случайно нашёл автор.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-177949-8

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

От издателя

Давно уже имел я намерение написать историю какого-нибудь города (или края) в данный период времени, но разные обстоятельства мешали этому предприятию. Преимущественно же препятствовал недостаток в материале, сколько-нибудь достоверном и правдоподобном. Ныне, роясь в глуповском городском архиве, я случайно попал на довольно объёмистую связку тетрадей, носящих общее название «Глуповского Летописца», и, рассмотрев их, нашёл, что они могут служить немаловажным подспорьем в деле осуществления моего намерения. Содержание «Летописца» довольно однообразно; оно почти исключительно исчерпывается биографиями градоначальников, в течение почти целого столетия владевших судьбами города Глупова, и описанием замечательнейших их действий, как то: скорой езды на почтовых, энергического взыскания недоимок, походов против обывателей, устройства и расстройства мостовых, обложения данями откупщиков и т. д. Тем не менее даже и по этим скудным фактам оказывается возможным уловить физиономию города и уследить, как в его истории отражались разнообразные перемены, одновременно происходившие в высших сферах. Так, например, градоначальники времён Бирона отличаются безрассудством, градоначальники времён

Потёмкина — распорядительностью, а градоначальники времён Разумовского — неизвестным происхождением и рыцарскою отвагою. Все они секут обывателей, но первые секут абсолютно, вторые объясняют причины своей распорядительности требованиями цивилизации, третьи желают, чтоб обыватели во всём положились на их отвагу. Такое разнообразие мероприятий, конечно, не могло не воздействовать и на самый внутренний склад обывательской жизни; в первом случае обыватели трепетали бессознательно, во втором — трепетали с сознанием собственной пользы, в третьем — возвышались до трепета, исполненного доверия. Даже энергическая езда на почтовых — и та неизбежно должна была оказывать известную долю влияния, укрепляя обывательский дух примерами лошадиной бодрости и нестомчивости¹.

Летопись ведена преемственно четырьмя городовыми архивариусами² и обнимает период времени с 1731 по 1825 год.

В этом году, по-видимому, даже для архивариусов литературная деятельность перестала быть доступною. Внешность «Летописца» имеет вид самый настоящий, то есть такой, который не позволяет ни на минуту усомниться в его подлинности; листы его так же жёлты и испещрены каракулями, так же изъедены мышами и загажены мухами, как и листы любого памятника погодинского древле-

¹ Нестомчивость — выносливость.

² Архивариус — чиновник, ведающий архивом.

хранилища. Так и чувствуется, как сидел над ними какой-нибудь архивный Пимен, освещая свой труд трепетно горящею сальной свечкой и всячески защищая его от неминуемой любознательности гг. Шубинского, Мордовцева и Мельникова. Летописи предшествует особый свод, или «опись», составленная, очевидно, последним летописцем; кроме того, в виде оправдательных документов к ней приложено несколько детских тетрадок, заключающих в себе оригинальные упражнения на различные темы административно-теоретического содержания. Таковы, например, рассуждения: «об административном всех градоначальников единомыслии», «о благовидной градоначальников наружности», «о спасительности усмирений (с картинками)», «мысли при взыскании недоимок», «превратное течение времени» и, наконец, довольно объёмистая диссертация «о строгости». Утвердительно можно сказать, что упражнения эти обязаны своим происхождением перу различных градоначальников (многие из них даже подписаны) и имеют то драгоценное свойство, что, во-первых, дают совершенно верное понятие о современном положении русской орфографии и, во-вторых, живописуют своих авторов гораздо полнее, доказательнее и образнее, нежели даже рассказы «Летописца».

Что касается до внутреннего содержания «Летописца», то оно по преимуществу фантастическое и по местам даже почти невероятное в наше просвещённое время. Таков, например, совершенно ни с чем не сообразный рассказ о градоначальнике

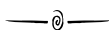
с музыкой. В одном месте «Летописец» рассказывает, как градоначальник летал по воздуху, в другом — как другой градоначальник, у которого ноги были обращены ступнями назад, едва не сбежал из пределов градоначальства. Издатель не счёл, однако ж, себя вправе утаить эти подробности; напротив того, он думает, что возможность подобных фактов в прошедшем ещё с большею ясностью укажет читателю на ту бездну, которая отделяет нас от него. Сверх того, издателем руководила и та мысль, что фантастичность рассказов нимало не устранила их административно-воспитательного значения и что опрометчивая самонадеянность летающего градоначальника может даже и теперь послужить спасительным предостережением для тех из современных администраторов, которые не желают быть преждевременно уволенными от должности.

Во всяком случае, в видах предотвращения злонамеренных толкований, издатель считает долгом оговориться, что весь его труд в настоящем случае заключается только в том, что он исправил тяжёлый и устарелый слог «Летописца» и имел надлежащий надзор за орфографией, нимало не касаясь самого содержания летописи. С первой минуты до последней издателя не покидал грозный образ Михаила Петровича Погодина, и это одно уже может служить ручательством, с каким почтительным трепетом он относился к своей задаче.

Обращение к читателю

*От последнего архивариуса-
летописца¹*

Ежели древним еллинам и римлянам дозволено было слагать хвалу своим безбожным начальникам и предавать потомству мерзкие их деяния для назидания, ужели же мы, христиане, от Византии свет получившие, окажемся в сём случае менее достойными и благодарными? Ужели во всякой стране найдутся и Нероны преславные, и Калигулы, доблестью сияющие², и только у себя мы таковых не обрящем? Смешно и нелепо даже помыслить таковую нескладицу, а не то чтобы оную вслух проповедовать, как делают некоторые вольнолюбцы, которые потому свои мысли вольными полагают, что они у них в голове, словно мухи без пристанища, там и сям вольно летают.

¹ «Обращение» это помещается здесь дострочно словами самого «Летописца». Издатель позволил себе наблюсти только за тем, чтобы права буквы «ять» не были слишком бесцеремонно нарушены. — *Прим. издателя.*

² Очевидно, что летописец, определяя качества этих исторических лиц, не имел понятия даже о руководствах, изданных для средних учебных заведений. Но страннее всего, что он был незнаком даже с стихами Державина:

Калигула! твой конь в сенате

Не мог сиять, сияя в злате:

Сияют добрые дела! — *Прим. издателя.*

Не только страна, но и град всякий, и даже всякая малая весь¹, — и та своих доблестью сияющих и от начальства поставленных Ахиллов имеет и не иметь не может. Взгляни на первую лужу — и в ней найдёшь гада, который ироїством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет. Взгляни на древо — и там усмотришь некоторый сук больший и против других крепчайший, а следовательно, и доблестнейший. Взгляни, наконец, на собственную свою персону — и там прежде всего встретишь главу, а потом уже не оставишь без приметы брюхо и прочие части. Что же, по-твоему, доблестнее: глава ли твоя, хотя и лёгкою начинкою начинённая, но и за всем тем горе² устремляющаяся, или же стремящееся долу³ брюхо, на то только и пригодное, чтобы изготовлять... О, подлинно же легкодумное твоё вольнодумство!

Таковы-то были мысли, которые побудили меня, смиренного городского архивариуса (получающего в месяц два рубля содержания, но и за всем тем славословящего), купно⁴ с троими моими предшественниками, неумытными⁵ устами воспеть хвалу славных оных Неронов⁶, кои не безбожием и лживую еллинскую мудростью, но

¹ Весь — селение, деревня.

² Горé (цѣрковнослав.) — к небу.

³ Дóлу (цѣрковнослав.) — вниз, к земле.

⁴ Кúпно — вместе, совместно.

⁵ Неумытны́й — неподкупный, честный (от старого русского слова «мыт» — пошлина).

⁶ Опять та же прискорбная ошибка. — *Прим. издателя.* — См. сноску 2 на с. 9.

твёрдостью и начальственным дерзновением преславный наш град Глупов преестественно украсили. Не имея дара стихослагательного, мы не решились прибегнуть к бряцанию и, положась на волю Божию, стали излагать достойные деяния недостойным, но свойственным нам языком, избегая лишь подлых слов. Думаю, впрочем, что таковая дерзостная наша затея простится нам ввиду того особенного намерения, которое мы имели, приступая к ней.

Сие намерение — есть изобразить преемственно градоначальников, в город Глупов от российского правительства в разное время поставленных. Но, предпринимая столь важную материю, я, по крайней мере, не раз вопрошал себя: по силам ли будет мне сие бремя? Много видел я на своём веку поразительных сих подвижников, много видели таковых и мои предместники. Всего же числом двадцать два, следовавших непрерывно, в величественном порядке, один за другим, кроме семидневного пагубного безначалия, едва не повергшего весь град в запустение. Одни из них, подобно бурному пламени, пролетали из края в край, всё очищая и обновляя; другие, напротив того, подобно ручью журчащему, орошали луга и пажити, а бурность и сокрушительность представляли в удел правителям канцелярии. Но все, как бурные, так и кроткие, оставили по себе благодарную память в сердцах сограждан, ибо все были градоначальники. Сие трогательное соответствие само по себе уже столь дивно, что немалое причиняет летописцу беспокойство. Не знаешь, что

более славословить: власть ли, в меру дерзающую, или сей виноград, в меру благодарящий?

Но сие же самое соответствие, с другой стороны, служит и немалым, для летописателя, облегчением. Ибо в чём состоит, собственно, задача его? В том ли, чтобы критиковать или порицать? Нет, не в том. В том ли, чтобы рассуждать? Нет, и не в этом. В чём же? А в том, легкодумный вольнодумец, чтобы быть лишь изобразителем означенного соответствия и об оном предать потомству в надлежащее назидание.

В сём виде взятая, задача делается доступною даже смиреннейшему из смиренных, потому что он изображает собой лишь скудельный сосуд¹, в котором замыкается разлитое повсюду в избытии славословие. И чем тот сосуд скудельнее, тем краше и вкуснее покажется содержимая в нём сладкая славословная влага. А скудельный сосуд про себя скажет: вот и я на что-нибудь пригодился, хотя и получаю содержания два рубля медных в месяц!

Изложив таким манером нечто в своё извинение, не могу не присовокупить, что родной наш город Глупов, производя обширную торговлю квасом, печёнкой и варёными яйцами, имеет три реки и, в согласность древнему Риму, на семи горах построен, на коих в гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же бесчис-

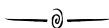
¹ Скудѣльный сосѹд — глиняный сосуд (от «скудель» — глина), в переносном значении — непрочный, слабый, бедный.

ленно лошадей побивается. Разница в том только состоит, что в Риме сияло нечестие, а у нас — благочестие, Рим заражало буйство, а нас — кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас — начальники.

И ещё скажу: летопись сию преемственно слагали четыре архивариуса: Мишка Тряпичкин, да Мишка Тряпичкин другой, да Митька Смирномордов, да я, смиренный Павлушка, Маслобойников сын. Причём единую имели опаску, дабы не попали наши тетрадки к г. Бартеневу и дабы не напечатал он их в своём «Архиве». А затем Богу слава и разглагольствию моему конец.

О корени происхождения глуповцев

Не хочу я, подобно Костомарову, серым волком рыскать по земли, ни, подобно Соловьёву, шизым орлом ширять под облака, ни, подобно Пыпину, растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобрый тот корень, от которого знаменитое сие древо произросло и ветвями своими всю землю покрыло¹.

Так начинает свой рассказ летописец и затем, сказав несколько слов в похвалу своей скромности, продолжает.

Был, говорит он, в древности народ, голово-тяпами именуемый, и жил он далеко на севере, там, где греческие и римские историки и географы предполагали существование Гиперборейского моря. Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычки «тяпать» головами обо всё, что бы ни встретилось на пути. Стена попадётся — об стену тяпают; Богу молиться начнут — об пол тяпают. По соседству с голово-

¹ Очевидно, летописец подражает здесь «Слову о полку Игореве»: «Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеся мыслью по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы». И далее: «О Бояне!! соловию старого времени! Абы ты сии пълки ущекотал» и т. д. — *Прим. издателя.*

тяпами жило множество независимых племён, но только замечательнейшие из них поименованы летописцем, а именно: моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, чернонёбы, долбёжники, проломленные головы, слепороды, губошлёпы, вислоухие, кособрюхие, ряпушники, заугольники, крошевники и рукосуи. Ни вероисповедания, ни образа правления эти племена не имели, заменяя всё сие тем, что постоянно враждовали между собою. Заключали союзы, объявляли войны, мирились, клялись друг другу в дружбе и верности, когда же лгали, то прибавляли «да будет мне стыдно» и были наперёд уверены, что «стыд глаза не выест». Таким образом взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались над своими жёнами и девами и в то же время гордились тем, что радушны и гостеприимны. Но когда дошли до того, что ободрали на лепёшки кору с последней сосны, когда не стало ни жён, ни дев и нечем было «людской завод» продолжать, тогда головотяпы первые взялись за ум. Поняли, что кому-нибудь да надо верх взять, и послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами тятаться, пока кто кого перетяпает. «Хитро это они сделали, — говорит летописец, — знали, что головы у них на плечах растут крепкие, — вот и предложили».

И действительно, как только простодушные соседи согласились на коварное предложение, так сейчас же головотяпы их всех, с божьею помощью, перетяпали. Первые уступили слепороды и